

Р. ШТЕЙНЕР

**КАКУЮ ПОЛЬЗУ МОЖЕТ ИЗВЛЕЧЬ
МЕДИЦИНА
ИЗ ПРИМЕНЕНИЯ ДУХОВНО-НАУЧНОГО
МЕТОДА**

(Три публичных лекции, 1924 г.)

Из GA 319

Лекция первая, Арнхейм, 17 июля 1924 г.	1
Лекция вторая, Арнхейм, 21 июля 1924 г.	9
Лекция вторая, Арнхейм, 21 июля 1924 г.	17

Лекция первая, Арнхейм, 17 июля 1924 г.

Предстоящие публичные лекции имеют своей целью выяснения отношений, существующих между антропософски ориентированным духовным знанием и медициной.

Антропософия отнюдь не является тем, в чем ее столь часто упрекают: она ничего общего не имеет ни с фантастическими построениями, ни с сектантством. Она неуклонно преследует цель строго ориентированного мирозерцания, направленного не на исследование материальных, но духовных ценностей. Правда, в настоящее время для многих людей самый факт упоминания духовных реальностей является *a priori* симптомом ненаучной или псевдонаучной ориентации. Ибо широко распространен взгляд, что научно постигаемо лишь то, что доступно чувственному восприятию; наукой именуется лишь то, что рассудок может почерпнуть в этом чувственном опыте. Согласно этому взгляду, мы вступаем в область субъективного произвола и мистически окрашенной эмоциональности, как только касаемся сферы духа: здесь „вера" должна занять место знания. Задача этой первой, вступительной, лекции состоит в том, чтобы доказать несостоятельность подобного взгляда.

Антропософия отнюдь не является наукой, оторванной от жизни. Она должна давать ответы на запросы о смысле, о задачах жизни. Мы достигли уже определенных результатов в области воспитания детей в наших школах и в области медицины. Антропософия отнюдь не враждебна официальной науке наших дней, но она стремится пополнить и обогатить ее новыми методами.

Это становится возможно лишь тогда, когда мы расширяем поле наших исследований в направлении духовного мира. В обыденной жизни, в официальной науке отправной точкой являются унаследованные человеком способности, усовершенствованные низшим и высшим школьным образованием. Антропософия видит свою задачу в том, чтобы не останавливаться на вышеупомянутом уровне, но продолжать продвигаться вперед. Отправной точкой может служить „интеллектуальная скромность". В чем она состоит?

Посмотрим на развитие человека, начиная с его раннего детства. Мы видим, что ребенок, вступая в мир, не имеет еще ничего из того, опираясь на что, действительно и познавательно ориентируется в мире зрелый человек. Путем воспитания и обучения мы должны выявить в детской душе и детском организме те способности, которые человек не приносит в мир созревшими. Мы вступаем в жизнь, - одни раньше, другие позже, в зависимости от более

низкой или более высокой ступени оконченной нами школы, - с известным отношением к жизни, с возможностью развития сознания относительно того, что нас окружает в мире. Тот, кто приближается к антропософии с желанием понять, спросит: почему не может быть у зрелого человека тех же скрытых возможностей, какие имеются у ребенка? Почему, вступая в чувственный мир с обширнейшим школьным образованием, мы не можем иметь скрытых способностей, которые могут быть впоследствии развиты? И не можем ли мы путем этого дальнейшего развития подняться к познаниям и к практической ориентации, в известной мере продолжающим те познания, которых мы достигли на пути развития от ребенка к зрелому человеку?

Таким образом, в сфере Антропософии будет иметь место „саморазвитие“ - так что, мысля, мы отдаемся миру совершенно пассивно. Наука требует, чтобы в мышлении, по мере возможности, не участвовала внутренняя активность, но чтобы в нем говорило лишь то, чем является внешний мир, как он воспринимается органами чувственного восприятия; мысля, человек должен отдаваться, не мудрствуя лукаво, тому, что ему приносит чувственное восприятие, как таковое. Принято думать, что всякое выхождение за пределы такой пассивности приводит к фантастическим построениям. То, о чем говорится в Антропософии, ведет не к мечтательности или к фантастике, но к внутренней действительности, к такой ясности, которая возможна только в математике, в геометрии. Как раз этот тип мышления Антропософия берет за образец, с той только разницей, что в геометрии развиваются специальные способности, а в Антропософии - общечеловеческие способности, затрагивающие каждое человеческое сердце и сознание. При этом самое существенное в этом продвижении вперед есть нечто, вполне доступное пониманию всякого непредвзятого суждения. Дело идет лишь о том, чтобы применить способность мышления в течение некоторого времени не к внешним явлениям; наоборот, мы должны остановить свое внутреннее созерцание на мысли, на определенной мысли в нашей душе, которую можно охватить одним взглядом, и мы отдаемся в течение некоторого времени этой одной мысли. Я опишу теперь этот процесс более подробно.

Кто имеет необходимое для этого доверие, пусть обратится к опытному в этой области человеку и спросит его: какой мысли лучше мне так отдаться? Этот последний укажет ищущему легко обозримую мысль, которая была бы для него возможно более новой. Если мы пользуемся для медитации мыслью, ранее знакомой, то из души поднимаются воспоминания, чувства, вообще субъективное, и мы впадаем в мечтательность. Когда же человек употребляет для медитации новую мысль, при которой не встают никакие воспоминания, то он может отдаться ей так, что мыслительные душевные силы все больше и больше укрепляются. В моих книгах, особенно в книге „Как достигнуть познания высших миров“ и в „Тайноведении“, я называю этот способ внутренним культивированием мышления, которое должно нас вывести за пределы обычного типа сознания.

В человеческой душе имеются три способности, которые мы развиваем в обыденной жизни до известной степени, но которые нужно развивать и дальше. Антропософия первая в современной цивилизации имеет задачей стимулировать развитие этих способностей. Способности эти - мышление, чувство и воля. Все эти способности могут претворяться в познавательные способности в высшем смысле.

1.

Сначала рассмотрим мышление. При получаемом нами в настоящее время образовании мы пользуемся мышлением, "медитацией". Слово это издавна известно; сегодня мы свяжем с ним смысл, который я хочу здесь объяснить. Медитация состоит в том, что мы отвлекаем наше внимание сознательно в сторону от всех внешних и внутренних переживаний; мы не должны тогда думать ни о чем ином, кроме одной мысли, поставленной в центре нашей душевной жизни. В то время как все силы направлены на одну

мысль, с душевными силами происходит нечто, что можно сравнить с результатами физической гимнастики. При физической гимнастике мускулы укрепляются; то же происходит и с душевными силами. Когда мы их постоянно снова и снова направляем на одну и ту же мысль, то силы эти укрепляются. И если это длится долго (продолжительность упражнений не так существенна, ибо речь идет больше о том, чтобы усвоить себе определенное душевное настроение, выражающееся в концентрации мысли), то у каждого, согласно его природным данным (у одного через 8 дней, а у другого через три года), вследствие таких упражнений, проделываемых ежедневно по 5-15 минут, рождается в душе ощущение, как если бы человеческое существо наполнилось новым внутренним динамическим содержанием. Раньше мы ощущали деятельность нервов в мышлении и чувствовании; сила мускулов ощущалась нами в момент схватывания предметов, в момент движения. Подобно тому, как мы это ощущаем, постепенно вырастая, начиная с самого детства, точно так же мы учимся нечто ощущать, нечто, что нас начинает пронизывать, когда мы принимаемся за эти упражнения. Тогда, в один прекрасный день, мы начинаем ощущать следующее: мы не можем более судить о явлениях внешнего мира так, как мы это делали раньше; мы ощущаем в себе новую силу душевную, нечто подобное более концентрированному, более интенсивному мышлению. И, наконец, мы ощущаем: посредством этого мышления мы улавливаем нечто такое, что раньше являло себя нам в туманных, неясных очертаниях.

То, что мы таким образом улавливаем, есть действительность собственной нашей жизни. И действительно, как познаем мы нашу собственную земную жизнь с момента рождения? Мы познаем ее в воспоминании, которое простирается до известного момента в детстве. Тут воспоминания всплывают из неопределенных душевных глубин. Они призрачны, неясны. Сравните всплывающие на поверхность жизни картины воспоминаний с тем, что мы интенсивно переживаем изо дня в день. Если мы охватим мышление вышеописанным образом, то призрачный характер воспоминаний исчезнет. Тогда мы можем вернуться на 10, 20 лет назад и пережить с той же внутренней силой и напряженной мощью, с какой мы переживаем во время первичного переживания. При этом мы переживаем это не так, как тогда, когда мы входили в непосредственное соприкосновение с внешними реальностями; на этот раз мы имеем дело с духовным „экстрактом“ прежнего переживания. Мы имеем перед собой грандиозную картину, панораму нашей жизни – вплоть до рождения. Не во временной преемственности созерцаем мы события нашей истекшей жизни: мы имеем перед собой единую панораму. Время претворяется в пространство. При этом мы сознаем: то, что мы имеем здесь перед собой, это – более глубокое существо человека, как бы **второй** человек, существующий в том человеке, который известен обыденному сознанию. Физический человек соткан из веществ внешнего мира. Мы непрерывно выделяем и воспринимаем эти вещества внешнего мира, так что в течении 7-8 лет физическое тело человека целиком обновляется. Физическое начало в нас непрерывно находится в состоянии течения, исчезновения. Через уплотненное и динамизированное мышление мы приходим к тому, что **пребывает** с самого начала до самого конца нашей жизни и что **строит** из внешних веществ наш организм. Этот последний процесс мы и воспринимаем в панораме жизни.

То, что мы познаем таким путем, имеет и другое отличие от обычного воспоминания. Обычно, воспоминания жизни предстают перед нами, перед нашей душой так, как они к нам приходят извне. Мы вспоминаем что сделал нам этот человек, что принесло нам это событие. В панораме жизни, возникающей перед нами благодаря концентрированному, уплотненному мышлению, мы учимся распознавать, каковы мы сами, что **мы** сделали тому или иному человеку, как **мы** отнеслись к тому или иному событию. Мы познаем самих себя. Это самое главное. Ибо познавая себя, мы учимся

познавать себя интенсивно, распознавая свое пребывание в наших растительных и питательных силах; и как мы проявляемся в том, что строит и разрушает наше тело, так учимся мы познавать нашу внутреннюю сущность.

Существенно то, что мы, придя к такому самопознанию, тотчас же узнаем нечто, чего мы не можем познать никакой обычной наукой, никаким обыденным сознанием. Должен признаться, что теперь еще трудно говорить о том, к чему мы приходим, ибо это кажется чуждым, противоречит современным авторитетам. Тем не менее, таковы результаты этого опыта. Существуют законы природы: мы тщательно изучаем эти законы в наших науках; мы горды этим, справедливо гордимся тем, что узнаем из физики, химии и т.д. Я хотел бы определенно подчеркнуть: Антропософия не занимается бесполезной полемикой с официальной наукой. Напротив, она вполне признает авторитет науки; она может сказать: законы природы, которые мы изучаем в физике и химии, принадлежат материальному миру нашей Земли; они не действительны, когда мы выходим в мировое пространство. Я этим высказываю нечто, что, вероятно, не покажется совсем бессмысленным (хотя внешне оно и звучит парадоксально) тому, кто думает об этом непредвзято. Если мы имеем где-нибудь источник света, то мы знаем, как этот свет теряет свою интенсивность, когда он рассеивается, и когда мы выходим в мировое пространство, он становится все слабее и слабее, так что мы вынуждены назвать его „сумерками“, а не „светом“; если же мы выходим достаточно далеко, то его уже никак нельзя считать: светом. С остальными законами природы происходит то же самое, что и со светом.

Они действительны на Земле, но чем дальше мы выходим в космос, тем их действительность становится все слабей и слабей, и когда мы, наконец, совсем вышли за пределы Земли, то они уже больше не являются законами природы. С другой стороны законы, которые мы познаем концентрированным мышлением, живут уже в нашей собственной жизни, и они показывают нам, что мы, как люди, выросли не из земных законов природы, но из более высоких **космических** законов. Мы принесли их с собой, вступая в наше земное существование. Итак, мы учимся в тот момент, когда мы приобретаем концентрированное мышление, применять законы природы только к минеральному царству. Мы не можем, как это делает современная физика, исходя из очень понятной ошибки, утверждать, будто их можно распространить на Солнце и на звезды. Мы не можем этого сделать, ибо распространять на всю вселенную законы природы было бы так же нелепо, как пытаться осветить мировое пространство пламенем свечи. Когда мы от минерала, который нам является минералом только на Земле, поднимаемся к живому, мы не можем больше говорить о земных законах природы, но о законах, которые действуют в земном бытии из космоса, из мирового пространства. Это имеет место уже у растения. Пока мы хотим понять минерал, мы пользуемся законами Земли, теми законами, к которым относится, например, сила тяготения, действующая из центра на окружность. Когда мы переходим к растению, то мы должны сказать: вот – ядро в центре, и отовсюду, со всех сторон космоса на него действуют законы жизни, те законы, которые мы открываем концентрированным мышлением в себе самих, и которые учат нас, что между рождением и смертью мы сами себя строим при помощи их. Мы учимся познавать те законы, которые действуют из центра Земли наружу, и те, которые действуют со всех сторон космоса по направлению к центру Земли и которые действительны уже в растительном царстве. Взирая на растение, вырастающее из Земли, мы говорим себе: это растение содержит в себе минеральную материю. В настоящее время химия пошла очень далеко в распознавании взаимодействия этих веществ. Все это вполне обосновано, вполне правильно. Химия пойдет еще дальше. Но когда мы хотим понять растение, то мы должны объяснить его рост, и мы не можем объяснить его силами, которые действуют, поднимаясь из Земли, а только силами, действующими из окружающего космоса по направлению к центру

Земли. Мы должны, таким образом, признать, что до сих пор в процессе познания нашей отправной точкой была Земля; отныне мы должны признать и иную точку зрения: **космическую**. В этом космическом способе рассмотрения содержится также и то, что является действительным **человеческим самопознанием**.

2.

Мы можем продвигаться вперед, преобразовывая, претворяя также наше **чувство**. Эмоции в повседневной жизни не являются источником истинного познания. Но мы можем следующим образом сделать источником объективного познания то, что пережито в чувстве субъективно.

В медитации мы сосредотачиваем наше внимание на определенной мысли: мы приобретаем концентрированное мышление, благодаря которому познаем то, что действует из периферии вселенной по направлению к центру Земли, в противовес обычным законам природы, действующим из центра Земли во все стороны вселенной. Когда мы достигли результата сконцентрированного мышления, когда наша собственная жизнь и жизнь растений распростерта перед нашей душой в широкой панораме, тогда мы можем идти дальше. Мы можем прийти к тому, чтобы после фиксирования внимания на определенной мысли, мы могли потом выключить эту мысль. Тот, кто знает, как трудно в обыденной жизни выключать мысли, стоящие в центре нашего интереса, тот поймет, что нужны особые упражнения, чтобы добиться этого результата. Но это возможно; можно добиться выключения не только мысли, на которой мы сконцентрировали все силы нашей души, но можно даже выключить всю картину воспоминаний, и с ней и свою собственную жизнь, – отвлечь отсюда свое внимание. Тогда наступает состояние, в котором мы отчетливо видим, что мы спускаемся глубже в нашу душу, спускаемся в область, которая доступна только чувству. В обыденной жизни человек засыпает, когда исчезают впечатления образов и звуков. Но при развитии концентрированного мышления человек не засыпает, когда выключены все мысли, даже концентрированные мысли. Наступает состояние, в котором прекращается деятельность чувственных восприятий и мыслей, состояние, которое можно описать, лишь сказав: человек **бодрствует**, он не засыпает, но его сознание лишено содержания; он бодрствует с пустым сознанием. Планмерно, систематически и методически может быть развито в человеке это состояние, которое открывает духовная наука: „Обладать пустым сознанием в состоянии полного бодрствования“. В обыденных жизненных условиях при пустом сознании мы засыпаем. От засыпания до пробуждения наше сознание почти пусто, но тогда мы спим. Обладание пустым бодрствующим сознанием является вторым этапом духовного познания. Но тогда сознание не остается надолго пустым. Оно наполняется. Как обычное сознание наполняется красками через зрение, звуками через слух, так и это пустое сознание наполняется духовным миром, который находится в нашем окружении точно так же, как и обычный физический мир. Только „пустое“ сознание открывает духовный мир – тот духовный мир, который существует не на Земле, не в космическом пространстве, а вне времени и пространства, и который при этом образует самую глубокую сущность **нашего** человеческого бытия. До сих пор мы учились при помощи концентрированной мысли смотреть на всю нашу жизнь как на нечто единое; теперь мы взираем сначала пустым, а потом исполненным содержания сознанием вовне, в тот мир, который мы прошли в душевно-духовной жизни прежде, чем спуститься в земное бытие. Мы учимся познавать себя как существо, существовавшее духовно до рождения и до зачатия, как существо, жившее до земного существования в бытии доземном. Мы познаем себя как духовно-душевного человека, проходящего через тело, которое он носит на себе и которое он получил от своих родителей и предков; это тело он меняет каждые 7 лет, но свою собственную сущность он приносит из своего доземного бытия. Мы познаем это не через теории и гипотезы, а только тогда,

когда путем интеллектуального смирения мы разовьем в себе необходимые для этого способности.

Так мы познаем внутреннюю человеческую сущность, настоящую душевно-духовную сущность человека. Она выступает нам навстречу, когда мы спускаемся в область чувства не только эмоционально, но и интеллектуально. Тут мы впервые замечаем, что факт достижения познания связан с сильными внутренними переживаниями, которые я могу изобразить следующим образом. Когда вы перевязываете какой-нибудь орган вашего физического организма, вы не можете им двигать; когда вам свяжут только два пальца, вы имеете неприятное, болезненное ощущение. Теперь вы находитесь в состоянии духовно-душевного опыта, но без тела. Вы не имеете в себе всего физического человека, ибо вы пребываете в пустом сознании. Переход к этому связан с глубоким ощущением боли.

3.

Через боль и лишение мы можем проникнуть в то, что является нашим глубочайшим душевно-духовным существом. Это отпугивает многих людей. Никаким другим путем невозможно постичь истинное человеческое бытие. Когда мы таким образом познаем глубочайшее существо человека, мы можем пойти еще дальше. Тогда мы должны выработать в себе познавательную силу, которая в обычной жизни не считается "силой познания"; нужно **любовь** претворить в силу познания; нужно из переживания любви уметь, в отречении от себя, подойти к вещам и событиям мира. Чем больше мы вырабатываем эту любовь так, чтобы фактически привести себя в состояние, указанное выше, когда мы вне тела свободно можем взирать на мир, тем глубже учимся мы постигать себя как духовное существо в духовном мире. Мы познаем тогда, что такое человек как духовное существо, но мы познаем также, что такое смерть, ибо в смерти человек фактически отбрасывает свое физическое тело. В этом познании, которое приобретается как третий этап, через углубленное переживание любви, мы учимся познавать себя вне своего тела; мы совершаем в порядке обратного познания отделение от собственного тела. Мы знаем, начиная с этого момента, что будет значить, когда мы в земном бытии отбросим свое тело и пройдем через врата смерти. Мы познаем тогда смерть, но также и жизнь в духовно-душевно бытии за пределами смерти. Мы познаем душевно-духовное существо человека, каким оно будет в жизни после смерти. Как мы раньше познали, каким оно является в доземном бытии в духовном мире, так теперь мы познаем дальнейшую жизнь духовно-душевной сущности после смерти. Тогда выступает нечто, благодаря чему мы можем заметить, как несовершенно наше современное сознание. Лишь призывая к себе на помощь **веру** или религиозное упование, умеет оно говорить о „бессмертии". Но „бессмертие" есть лишь половина вечности: промежуток времени от настоящей точки времени до бесконечности грядущей вечности. Мы не обладаем теперь словом, которое имелось еще у людей, пребывавших на прошлых ступенях познания: к бессмертию они прибавляли еще другую половину вечности: „бытие до рождения". Ибо подобно тому, как человек бессмертен, он и не рождается, т.е. он переходит из одного духовного мира в физическое бытие точно так же, как через смерть он из мира физического снова вступает в духовное бытие. Таким путем мы учимся познавать духовно-душевно сущность человека, проходящую через рождение и смерть; лишь тогда мы в состоянии познать **всего** человека. То, что я здесь лишь принципиально и вкратце изложил, является содержанием уже богатой теперь литературы, которая с точки зрения научной добросовестности, точности и метода нисколько не уступает официальной науке наших дней.

4.

Но именно таким путем мы учимся познавать нечто иное: именно тот факт, что жизненный поток слагается из двух течений. В настоящее время много говорят о развитии: ребенок мал, он развивается, он растет. Растет и крепнет, разрастается жизнь. Говорят о том, что низшие живые организмы

могли развиваться в высшие: жизнь становится все сложнее и сложнее. Это утверждение справедливо. Этому потоку жизни противостоит другой, также присутствующий в каждом живом существе: поток разрушения.

Как мы имеем в себе творческую, разрастающуюся, прорастающую жизнь, точно так же мы несем в себе и жизнь разрушающую. Идя таким, описанным мною путем познания, нельзя утверждать, что наша жизнь восходит до нашего мозга и нервной системы, и там материя организуется так, что нервная система может стать носителем душевной жизни. Это не так. Жизнь развивается и прорастает, но в эту брызжущую, прорастающую жизнь внедряется прогрессирующий процесс разрушения и распада. Бесперывно распадается в нас жизнь. Прорастающая жизнь уступает все больше и больше место распадену. В действительности мы частично умираем каждый миг; нечто в нас разлагается; но мы постоянно воссоздаем разрушенное. Но важно следующее: в то время, как в нас разлагается нечто материальное, освобождается место для душевно-духовного бытия; оно проникает в нас и становится в нас действенным. Здесь мы подходим вплотную к грубой ошибке материализма, который верит, что прорастающая жизнь развивается в человеке вплоть до нервов, и что нервы построены точно так же, как построены из крови мускулы, и это действительно так, но в силу факта этого построения нервов из крови, не могут еще развиваться ни мышление, ни чувствование. Когда нервы до известной степени разлагаются, образуются как бы дыры или провалы; в разлагающуюся нервную ткань внедряется душевно-духовное бытие. Мы должны сначала разрушить материальное бытие, чтобы душевно-духовное бытие могло в нас выявиться, и чтобы мы сами смогли его пережить.

Великим моментом в развитии правильно понятого естествознания будет тот, когда оно, противопоставив нечто идее эволюции, укажет этой идее подобающее ей место и познает не только созидающие, но и разрушающие элементы в процессе "развития": "деволюцию" рядом с "эволюцией". Тогда только люди поймут, как духовное бытие охватывает материальное бытие в животном и в человеке (в человеке – сознательным образом). Духовное бытие охватывает материальное бытие не в силу того, что это последнее развивается ему навстречу, но в силу того, что материальное бытие разрушается в противоположном процессе, и в процессе разрушения духовное бытие может выявить себя, проявиться. Так духовное бытие всюду наполняет нас, где имеется "деволюция", процесс, обратный созиданию, обратный эволюции.

5.

Если мы поймем все предшествующее, то человек предстанет перед нами во всей своей полярной противоположности. Всюду, где имеется созидание, в любом органе, имеет место и процесс разрушения. Когда мы рассматриваем какой-либо орган, – печень, легкие или сердце, – он находится в непрерывном процессе, слагающемся из созидания и разрушения. Когда мы говорим: „Здесь течет Рейн“, то мы, глядя на него, подразумеваем не русло Рейна, а текущую воду. А ведь она каждый миг иная. Рейн существует сто, тысячу лет. Что же присутствует здесь в тот или иной момент? То, что непрерывно движется и изменяется. Точно так же все, что существует в нас, подлежит изменению, созиданию и разрушению, и в разрушении оно становится носителем духовного бытия. Итак, в каждой нормальной человеческой жизни имеет место "состояние равновесия" между построением и разрушением, и на нем развивает человек свою истинную возможность душевно-духовного бытия. Но это состояние равновесия может быть нарушаемо таким путем, что в данном органе правильное построение противопоставлено слишком незначительному разрушению: тогда рост развивается с болезненной быстротой; или наоборот, в данном органе процесс построения слабее процесса разрушения: тогда орган этот увядает, высыхает, и из области физиологии мы попадаем в область патологии.

6.

Только тот, кто знает, в чем заключается это истинное состояние равновесия, тот может также понять как это равновесие может быть нарушено благодаря гипертрофии процесса созидания или разрушения. Когда мы поняли это, мы можем направить взор на великий окружающий нас мир и находим в нем то, что может действовать как нечто уравнивающее, компенсирующее по отношению к нарушенному равновесию между процессами созидания и разрушения. Перед нами, например, орган человека, который нарушен благодаря тому, что имеет в себе слишком много элементов разрушения; мы посмотрим взглядом, обостренным духовно-научным познанием, на нечто во внешней природе, на какое-либо растение; мы видим в нем процесс созидания. У некоторых растений имеются созидательные силы, которые всегда соответствуют созидательным силам человеческих органов. Мы находим, следуя изложенному здесь взгляду: в почках человека имеются созидательные силы. Допустим, что они слишком слабы, что силы разрушительные их перевешивают. Мы смотрим на растительный мир, и находим в обыкновенном *Equisetum arvense* созидательные силы, которые точно соответствуют созидательным силам почек. Когда мы готовим препарат из *Equisetum arvense* и вводим его должным путем в питание и кровообращение, туда, где он может действовать, мы укрепляем этим лекарством ослабевшие созидательные силы почек. То же относится к каждому органу. Достигнув однажды этого познания, мы имеем возможность через силы внешнего мира восстановить нарушенное равновесие между созиданием и разрушением. Если у нас есть где-либо, например, в почках, избыток сил созидания и недостаток в силах разрушения, мы должны усилить силы разрушения. В таком случае мы должны прибегнуть к низшим растениям, например к папоротникам, которые укрепляют разрушительные силы.

Таким образом мы можем обойтись без экспериментирования и долгого нащупывания и найти сразу, какое вещество, какой препарат обладает лечебными свойствами. Мы исследуем человеческий организм, рассматриваем равновесие его органов, мы познаем природу в смысле созидательных и разрушительных сил, и мы делаем медицину понятной, вместо той науки, которая применяет данное лекарство только потому, что статистика установила: в таком-то количестве случаев данное средство оказалось полезным. Из прозрения в сущность человека и природы мы можем познать, как в каждом отдельном случае мы можем продукт природы претворить в средство лечения, т.е. приспособить к человеческому организму.

Я не утверждаю, что медицина не сделала в последнее время огромных успехов. Антропософия вполне признает эти успехи медицины. Мы работаем, не оставляя в стороне современную медицину, - наоборот, относясь к ней с должным уважением. Но именно когда мы исследуем то, что в последнее время найдено в области лекарств, мы наблюдаем, что им предшествовал долгий процесс медленного экспериментирования.

Антропософия **объясняет** достижения современной медицины; кроме того, прозрение в сущность человека дало ей возможность открыть целый ряд новых лекарств. Когда мы учимся таким духовным образом всматриваться в человеческую природу (и я еще покажу, как в отдельных случаях медицина может быть оплодотворена истинным познанием духа), мы получаем возможность рационально связать **познание с медициной**. Мы учимся врачевать на основе истинного прозрения в природу мира, выросшего из художественного восприятия мира. И этим мы снова достигаем того, что в древние времена имелось, как сознание, подобное сновидению. В древние времена существовали центры мистерий, в которых культивировалось познание; рядом с этими центрами мистерий находились центры врачевания. В наши дни мы можем, правда, свысока взирать на приемы этих древних целителей. Но там имелось также и здоровое зерно - именно идея, что познание так называемого "нормального" мира, должно найти свое

продолжение в познании мира "анормального". Ибо разве не странно, что мы, с одной стороны, говорим: в своем здоровом состоянии человек происходит из природы; как же потом законами той же природы должны мы объяснить человека больного? Всякая болезнь может быть объяснена законами природы. Противоречит ли самой себе природа? Мы увидим, что она не противоречит себе, когда человек заболевает. Но познание должно быть перенесено из области физически нормального в область патологии. Познания приобретают свою жизненную ценность тем, что, наряду с заботой о нормальном, в жизни стоит забота о заболевшем. Правда, мы находимся в Антропософии в самом начале пути. В сгоревшем Гетеануме должно быть создано место для познания истинных основ человеческого бытия. К Гетеануму мы присоединяем место для врачевания, основанного на изложенных выше принципах.

Всякое познание, имеющее свои корни в Духе, требует **отваги**; отвагу, силу душевную должны мы проявить и в исцелении. Со всей должной скромностью мы поставили поэтому рядом с этим центром мистериального познания центр исцеления.

Лекция вторая, Арнхейм, 21 июля 1924 г.

В моей вступительной лекции я пытался объяснить, как согласно с методом познания, разработанным Антропософией, человек должен познаваться в своей целостности, в своей общей сущности, т.е. как тело, душа и дух. Далее я пытался показать, что только тогда можно будет достигнуть глубокого понимания здоровых и болезненных состояний человеческого существа, когда будет приниматься во внимание **вся** человеческая природа; и как, благодаря тому, что научаешься понимать реальную связь между тем, что происходит **внутри** человека, с внешними событиями и существенными взаимоотношениями в природе, – благодаря этому удастся перебросить мост между патологией и терапией.

В дальнейшем будет разъяснено более подробно то, о чем в прошлый раз говорилось в общих чертах. Тогда самым важным будет правильно понять, как, с одной стороны, в человеческом организме происходит **разрушение**, с другой же – продолжается постоянное **строительство**. Мы должны различать, согласно последней лекции, во-первых, внешний **физический организм**, воспринимаемый внешними органами чувств и познаваемый затем рассудком; во-вторых, мы должны различать первое сверхчувственное тело человека: эфирное или жизне-тело.

Эти два аспекта сложного человеческого существа служат в организме человека для созидания; физическое тело непрерывно обновляется, выбрасывая из себя часть веществ. Эфирное тело, несущее в себе силы роста и питания, является в своей общей сущности тем, о чем мы можем получить представление, созерцая весной цветущий и растущий растительный мир; ибо растения, как и человек, обладают эфирным или жизне-телом. Итак, мы имеем в этих двух организующих членах человека поступательное, развивающееся движение.

Человек, как существо чувствующее, является далее носителем **астрального** тела, субстрата внутреннего, чувствующего существа. Это астральное тело содержит не только силы строительные; оно несет в себе и силы **разрушения**. Как благодаря эфирному телу человеческий организм растет и развивается, так же то, что растет и развивается, непрерывно разрушается благодаря астральному телу. И только благодаря непрерывному разрушению физически-эфирного начала и существует в человеке душевно-духовная деятельность. Очень ошибаются, когда думают, что в основе душевно-духовного процесса лежит "созидание" и что "созидание", т.е. вперед идущее развитие, в какой-то момент – допустим, хотя бы в нервной системе, – делается носителем духовно-духовного начала. Это не так.

Если в будущем (и есть все признаки того, что это случится вскоре) глубоко уважаемые нами естественнонаучные изыскания будут продолжать идти по тому же пути, на котором они находятся теперь, то станет ясно, что в нервной системе существенным является не созидательное начало: созидательное в нервной системе служит только тому, чтобы нервы вообще существовали. Но нервный процесс заключается в постоянном, хотя и медленном, разрушении. Он есть результат распада, и тем, что физическое разрушается, оно освобождает место для душевно-духовного начала.

В еще большей мере это применимо к организму "Я", благодаря которому человек стоит выше всех существ, окружающих его на Земле. Организм "Я" в своей сущности всегда разрушителен; он больше всего выявляется там, где в человеческом существе происходит распад.

Итак, когда рассматриваешь эту чудесную сложность человеческого организма, то видишь в каждом отдельном органе, с одной стороны, созидание, благодаря которому данный орган служит росту, развитию; с другой стороны, видишь разрушение, благодаря которому этот орган служит физической деградации и тем самым дает место вмешательству душевно-духовного начала в человеке.

Я уже говорил в прошлый раз: равновесие между созиданием и разрушением, которое для каждого органа человека существует определенным образом, может быть нарушено; может превысить созидание; тогда мы будем иметь дело с болезненными явлениями.

Когда мы так рассматриваем человеческое существо (я пока могу говорить об этих вещах только абстрактно; позднее это станет конкретнее), и когда мы поступаем добросовестно, с чувством ответственности перед наукой, внимательно изучая каждый отдельный орган с той же научной добросовестностью, которую мы в естественнонаучных исследованиях усвоили, – тогда мы видим те состояния равновесия, которые должны существовать для отдельных органов, и можем получить представление о **здоровом человеке**. Если же в одну или другую сторону, в сторону ли разрушения, или в сторону созидания, равновесие органа нарушено, тогда мы имеем дело с болезнью человеческого организма.

Мы должны также учитывать, в каком соотношении находится человеческий организм к окружающим его трем царствам природы: минеральному, растительному и животному, – из которых он должен черпать свои целебные средства.

Если мы внимательно направим наш взор, как я уже об этом говорил вскользь, на внутренние состояния равновесия человека, мы увидим как человеческий организм преодолевает путем борьбы по всем направлениям то, что находится извне его, в трех царствах природы. Возьмем самое простое: состояние **теплоты** в человеческом организме. Никакая внешняя температура не может найти внутри человеческого организма, так сказать, своего неизменного продолжения. Если я наблюдаю тепловые состояния во внешней природе, я знаю: теплота повышает температуру предметов внешнего мира. Мы говорим: теплота пронизывает предметы. Если бы и наш человеческий организм так же пронизывался теплотой, если бы мы были для этой теплоты, так сказать, "предметом", то тепло делало бы нас больными. Только когда благодаря интенсивности и качеству нашей организации мы способны всякий влияющий на нас тепловой процесс воспринять и тотчас же обратить его во внутренний процесс, тогда только наш человеческий организм является вполне здоровым. И нам вредны внешние тепло и холод, когда они нас охватывают извне, и мы готовы нашим внутренним организмом воспринять их.

Применительно к вопросу о тепле или холоде это легко поймет каждый. Но то же самое происходит и с астральными явлениями природы. Только внимательное изучение, обостренное духовным мировоззрением, приведет нас к познанию того, что всякое явление природы, перенесенное во внутрь нас,

метаморфозируется, видоизменяется; что мы изнутри непрерывно преодолеваем то, что нас окружает извне. Возьмем теперь всю внутреннюю организацию человека в ее общей сложности, тогда мы увидим: если внутренняя способность человека перерабатывать постоянные внешние процессы и воздействия (напр. питание) будет понижена, – элементы, проникающие в человека извне, будут влиять, как постороннее тело, и человек будет, грубо выражаясь, переполнен чуждыми ему телами и процессами. Или человек может слишком сильно развить свои высшие организующие тела (астральное тело и Я); тогда он будет видоизменять влияющие на него внешние процессы не в той мере, как надо, но сильнее, глубже. Произойдет ускорение нормальных процессов. Внешняя природа будет выделена из пределов человеческого бытия, будет отчасти (если можно так выразиться) слишком "одухотворена", и опять мы столкнемся с разрушением здоровья.

То, о чем мы говорим в таких общих чертах, применимо к каждому человеческому органу и применительно к нему должно быть специально изучено.

И то, что происходит в человеке в связи с тем, как преодолеваются внешние процессы, очень сложно.

Тот, кто пытается на основании тех знаний, которые дает современная анатомия и физиология, продвинуться дальше, продолжая свою работу над трупами и изучая различные болезни, и на основании этого пытается получить не мертвую структуру, а живое познание происходящего, – тот, можно сказать, ежеминутно чувствует себя беспомощным перед человеческим организмом, ибо чем внимательнее и чем живее знакомишься с человеческим организмом, тем сложнее он нам представляется. Но существуют путеводные нити, которые нам помогут пробраться через этот лабиринт.

И если мне позволено будет высказать личное замечание, то я хотел бы сказать следующее. Нахождение этих путеводных линий занимало меня в продолжение 30 лет, – до того, как я об этом заговорил приблизительно в 1917 году, – нахождение этих линий, которые позволили бы рассматривать человеческий организм в своем целом. Еще молодым человеком 20 лет я задал себе вопрос: имеется ли возможность проникнуть в этот сложный человеческий организм по определенным руководящим линиям, так, чтобы прийти к одной общей картине? И вот, оказалось (то, что я сейчас сжато вам разъясню есть результат тридцатилетней работы), что можно определить человеческий организм согласно трем аспектам, различая:

1. нервную организацию;
2. ритмическую организацию;
3. организацию обмена веществ и органов движения.

Главенствует в человеческом организме нервная организация; она является носителем всего того, что мы можем назвать восприятием, представлением. Более замкнуто в себе то, что мы называем ритмической организацией: ритм дыхания, ритм кровообращения, ритм сна и бодрствования и многие другие процессы, которые ритмически происходят в человеке. Я пришел к этому разделению, отделив точно ритмическую организацию от организации нервной. Я тогда (ибо 40 лет назад принципиальные вопросы по физиологии более глубоко интересовали наше общество, чем теперь), спрашивал себя: можно ли по всем явлениям, на которые опыт нам указывает, вывести то заключение, что вся душевная жизнь в мыслях, чувствах и в воле исключительно связана с нервной и чувственной системой? Я стоял тогда перед невозможным противоречием: неужели мышление, чувство или воля связаны с нервной системой? Я сегодня не могу касаться всех деталей, могу только сделать намек на все это; но ближе подойдя к области терапии, многое нам прояснится.

Если, например, с физиологической точки зрения с точностью рассматривая действие музыки на человеческий организм, если ознакомиться с той связью, существующей между переживаниями музыки и всеми ритмическими процессами человека, – и, с другой стороны, если мы подойдем к душевному элементу в музыке, к душевному восприятию мелодии, если все это изучать непредвзято, то можно сказать, что вся душевная жизнь человека не зависит непосредственно от нервной системы; она переживается в ритмической системе, и только когда мы пережитое в ритмической системе поднимаем до нашего представления, тогда только это представление переходит в нервную систему. И тогда только становится ясным, насколько нервная система и ритмическая система внутренне по своей организации отделены одна от другой.

Посмотрите на современную физиологию, со всем тем, что она вам может дать в смысле внешнего опыта в музыке и изучите человеческое ухо, воспринимающее отдельные музыкальные звуки; тогда вы себе скажете, что слышимое включается в ритмическую систему человека, ритмически приближается к чувственной организации, ритмически приближается к нервной системе, и тогда оно рождается как **представление** в нервной системе. Наша ритмическая система непосредственно связана с жизнью чувства, нервная же система – только опосредованно, как носитель мышления; носителем же чувствования она становится только тогда, когда наше чувствование становится сознательным в нашем мышлении. Тогда эти мысли опираются на нервную систему.

Яснее будет также, если физиологические процессы проследить до системы органов движения и обмена веществ. Может казаться парадоксом, что я соединяю функции обмена веществ с функцией органов движения. Достаточно, однако, отдать себе отчет в том, что все движущееся, все, что связано с конечностями, отражается на обмене веществ. Органы обмена веществ и органы движения составляют единое целое. И если исследовать эти факты точно и определенно, то вновь окажется, что система обмена веществ есть непосредственный носитель всех **волевых явлений**.

Что касается органов чувств, как например глаза или уха, то они устроены так, что содержат наиболее интенсивным образом нервный организм, менее интенсивно – ритмический и еще слабее – обмен веществ. Такой орган, как, например, почки, не обладает столь сложным нервным организмом, как глаз или ухо, но все-таки они его имеют; они обладают в большой степени ритмическим организмом и организмом обмена веществ, но почки обладают всеми тремя членами человеческого организма. И человека не понимают, если говорят: **здесь** органы чувств, **там** пищеварение. В действительности все обстоит иначе. Такой орган, как почки или печень, только главным образом органы питания или выделения; в подчиненном смысле это тоже органы чувственного восприятия. Поэтому если мы от организма нервов и органов чувственного восприятия (в его реальности, не в фактастических понятиях, часто встречаемых в физиологии) взглянем на всю организацию человека с одиночными, специфическими органами, то мы найдем, что человек через свои отдельные органы чувственного восприятия (зрение, слух и т.д.) – воспринимает внешний мир; но мы увидим, в то же самое время, что человек целиком пронизан организмом чувственного восприятия. Почки, например, суть органы чувственного восприятия, которые воспринимают в утонченном виде то, что совершается в процессах пищеварения и выделения. Также и печень в известном смысле является органом чувственного восприятия; сердце даже в высокой степени орган внутреннего чувственного восприятия; только тогда мы можем его истинно понять, если мы таким именно образом подходим к изучению его.

Не думайте, что я хочу критиковать современную науку; я вполне признаю эту науку со всеми ее заслугами и хотел бы, чтобы именно наши воззрения вполне основывались на этой науке. Но мы должны отдать себе

отчёт в том, что эта наука в наши дни никоим образом не имеет возможности с точностью заглянуть внутрь человеческой природы. Если бы это ей было возможно, то она не сближала бы, как она это делает теперь, так тесно животный организм с человеческим; ибо животный организм, в смысле органов чувственного восприятия, лежит уровнем ниже, чем человеческий организм. Человеческий нервный организм вчленен в организм Я; животный же – только в астральное тело. Жизнь органов чувств у человека совершенно иная, чем у животного. Когда животное что-либо воспринимает своим глазом (вы можете узнать это, изучая строение глаза), то в животном происходит нечто, характеризующее все тело животного; это происходит иначе, чем у человека. У человека чувственное восприятие гораздо более периферично, гораздо более сосредоточено на поверхности. Вы можете понять это из того, что у животного существуют утонченные органы, которые у высших животных большей частью имеются только в эфирном теле. У некоторых же низших животных вы находите, например, "мечевидный отросток", которым в эфирной форме обладают и высшие животные; вы найдете также "веер" в глазу. Это – органы, которые в том же виде, как они пронизаны кровью, указывают на то, что глаз участвует в общем организме животного и способствует его жизни в окружающем мире. Человек совершенно иначе связан со своей нервной системой и в гораздо более высоком смысле, чем животное, живет со своей нервной системой во **внешнем** мире, тогда как животное живет больше в **самом себе**.

Но все то, что, передаваясь через высшие духовные члены человека, изживается через организм **Я** как нервная жизнь, нуждается в физическом теле, в материальном влиянии чувственного мира, физического мира.

Когда мы в деталях изучаем нервную систему человека, функционирующую в его здоровом состоянии, то находим, что оно зависит от материи и от процессов, происходящих в этой материи. Ибо материя не есть нечто неподвижное, но представляет собой, собственно говоря, процесс. (Кристалл кварца, например, только потому нечто ограниченное в пространстве, нечто контурированное, что мы никогда не замечаем, что тут имеет место процесс, хотя процесс чрезвычайно медленный).

Нужно стараться глубже проникнуть в человеческий организм и понять это взаимодействие. То, что проникает как нечто внешне физическое в организм, должно быть принято и переработано им, как я это указывал во введении. Особенно интересно то, что человеческая нервная система, когда она находится в так называемом "нормальном", т.е. здоровом состоянии (что, конечно, нужно понимать относительно), зависит от одного тончайшего процесса, который разыгрывается под влиянием проникающей в организм кремневой кислоты. Кремневая кислота, которая внешним образом во внешней природе принимает форму прекрасного кристалла кварца, обладает тем своеобразным свойством, когда она проникает в человеческий организм, который ее перерабатывает, что она воспринимается процессами нервной системы; так что при духовном созерцании можно видеть, что происходит в нервной системе человека. Можно видеть поразительно тонкий процесс, влияющий на кремневую кислоту.

Когда вы взглянете, с другой стороны, на то (о чем я раньше упоминал), что человеческий организм есть повсюду орган чувственного восприятия, тогда вы поймете, что интенсивный процесс, происходящий в кремневой кислоте, происходит только на периферии человека, там, где предпочтительно сконцентрированы процессы чувственного восприятия. Когда же мы проникаем больше во внутрь организма, туда, где существуют легкие, печень, почки, – этот процесс с кремневой кислотой бывает слабее, тоньше, тогда как в костях он опять интенсивный. Таким образом, мы получаем замечательное расчленение человека. Мы имеем периферию и окружение, где сосредотачиваются чувственные восприятия; мы имеем также костную систему, наполняющую и носящую члены; кроме этого мы имеем мускульную

систему и систему желез и т.д. В том, что я назвал окружением и определил как центральную часть, имеются сильнейшие процессы образования кремневой кислоты; и в органах, лежащих между периферией и центром, можно проследить всюду особые, специфические, но более слабые процессы кремневой кислоты, чем в „окружении“. Можно сказать: со стороны внешней, где человек из нервов переходит далее в систему органов чувств, он нуждается все более в кремневой кислоте; в средней части своего организма он нуждается в сравнительно меньшем количестве ее; там же, где в его двигательной системе имеется костный организм, ему опять нужно больше кремневой кислоты.

Через созерцание всего организма человека мы узнаем, что особый, специфический процесс имеет место в человеке: процесс кремневой кислоты. Узнав это, мы начинаем понимать, как мало точности в современных физиологических указаниях. Если мы будем изучать жизнь человека в духе современной физиологии, то мы остановимся, например, на дыхательном процессе. В известном отношении этот процесс сложен, в сущности же он состоит в том, что человек вдыхает в себя из воздуха кислород и выдыхает углерод. Это – тот ритмический процесс, который, в сущности, является основой человеческой органической жизни. Мы говорим: кислород поступает из воздуха через вдох, переходит через описанные в физиологии процессы в организме, соединяется с углеродом из человеческой крови и вслед за тем выдыхается в виде углекислоты. Это изображение верно лишь для внешнего наблюдения. Но этот кислородно-углеродный процесс связан еще с иным процессом.

Мы вдыхаем не только кислород и соединяем его с углеродом в нашем организме: Мы делаем это предпочтительно с тем кислородом, который мы распространяем потом в нижней части нашего организма; этот кислород соединяем мы с углеродом и выдыхаем его затем как углекислоту. Но в основе этого ритмического процесса лежит еще иной, более тонкий процесс. **Тот** кислород, который поднимается по направлению к голове (в вышеуказанном ограниченном смысле) и, тем самым, к нервной системе, соединяется с кремнием, т.е. с веществом, в состав которого входит кремний, и образует кремниевую кислоту. Тогда как для обмена веществ производство углекислоты является существенным, для нервной системы существенно производство кремниевой кислоты в человеке; но только это – утонченный процесс, которого мы не можем установить посредством наших грубых инструментов; но существуют способы, которые со временем позволят нам изучать эти процессы. Таким образом, в дыхании имеется, во-первых, более грубый процесс, где вдыхаемый кислород соединяется с углеродом нашего организма и выдыхается как углекислота; во-вторых, имеется более тонкий процесс, где кислород вместе с кремнием образует кремниевую кислоту, и как таковая выделяется в глубины человеческого организма. И через это выделение кремниевой кислоты весь человеческий организм становится, – на, периферии в высокой степени, а в меньшей степени в каждом органе тела, – органом чувственного восприятия.

Когда мы наблюдаем человеческий организм таким образом, то можем познать его тонкое строение, можем познать, как в каждом отдельном органе (так же, как дело обстоит с кремниевой кислотой, обстоит оно и с бесчисленными другими субстанциями) имеют место определенные процессы, связанные с иными субстанциями. Если мы хотим понять сущность здоровья или болезни, мы должны отдать себе отчет в том, как разыгрываются эти процессы в данном человеческом органе. Возьмем для примера почку человека. Допустим, что врач, руководствуясь комплексом симптомов, приходит к заключению, что болезненный процесс имеет главным своим источником почки.

Применяя духовную науку к диагнозу, мы приходим к заключению, что почка является в слишком малой степени органом чувственного восприятия в

отношении окружающих ее пищеварительных и выделительных процессов; она является в слишком интенсивной степени **органом обмена веществ**; и равновесие, таким образом, нарушено. В этом случае мы, прежде всего, должны подумать о том, как нам снова сделать почку в сильнейшей степени органом чувственного восприятия. Мы можем сказать: так как почка показывает, что она не является в достаточной степени органом чувственного восприятия для процессов обмена веществ и выделения, то мы должны позаботиться о том, чтобы необходимая кремниевая кислота доходила до почки.

В антропософском смысле мы имеем **три пути**, чтобы вводить вещества в человеческий организм, – те вещества, которые ему необходимы в его здоровом состоянии. Первый путь есть те лекарства, которые мы ему даем, как пищу, *per os*. Но тогда мы должны исследовать, в таком ли состоянии весь пищеварительный аппарат, что лекарства доходят до того пункта, где они должны возыметь свое действие. Это часто имеет место, и нужно знать, как данное вещество влияет на организм человека, действует ли оно на сердце или на легкие и т.д., когда мы его вводим через рот в пищеварительный тракт.

Второй путь – вспыскивание. Тут мы приводим вещество непосредственно в ритмическую систему. Тут действует больше „процесс“; в нем преобразуется то, что в организме обмена веществ является результатом характерных особенностей данной материи, тотчас же в ритмическую деятельность, и мы действуем тогда непосредственно на ритмическую систему.

Наконец, третий метод, когда мы применяем вещества в виде мази и втираем ее в данном месте, или же погружаем больного в ванну; короче говоря, мы стремимся повлиять на болезнь, применяя лекарство к внешней поверхности тела. Есть еще много иных способов.

Обратимся еще раз к почке, относительно которой диагноз наш установил, что ее функция чувственного восприятия понижена. В этом случае мы должны вызвать в ней правильный процесс образования кремниевой кислоты. Мы должны позаботиться о следующем: ввиду того, что при вышеуказанном процессе дыхания, когда кислород соединяется с кремнием и потом кремниевая кислота распространяется во всем теле, почка получает слишком мало кремневой кислоты, мы должны сделать необходимое для того, чтобы усилить процессы образования кремниевой кислоты применительно к почке. Для этого мы должны установить, как нам прийти на помощь организму, который не может выработать достаточное количество кремневой кислоты для почки. Мы должны знать, что отвечает внешним образом тому процессу, которого недостает почке. Мы должны искать, какие нам найти пути и средства, чтобы ввести процесс кремниевой кислоты именно в почку.

Тут мы находим, что функция почек, в особенности когда она является функцией чувственного восприятия, зависит от астрального тела человека. Астральное тело лежит в основе процессов выделения – этой особой формы процесса разрушения. Поэтому мы должны возбудить астральное тело, но при этом так, чтобы оно приводило кремниевую кислоту именно к почкам. Нам нужно, во-первых, такое средство, которое возбудило бы вообще процесс кремниевой кислоты, а, во-вторых, возбудило бы его в особенности в почке. Если мы примемся искать это средство, то найдем его в *Equisetum arvense*, называемом „мышинный хвост“. Он обладает той особенностью, что содержит в значительном количестве кремневую кислоту. Эта последняя, данная человеку в чистом виде, не дошла бы до почки. Но *Equisetum* содержит еще, кроме того, сернокислые соли. Когда мы применяем сернокислые соли в чистом виде, они действуют на ритмическую систему, на органы выделения и в особенности на почки. Когда же они так тесно связаны с кремниевой кислотой, как это имеет место в *Equisetum arvense* (мы можем давать его внутрь, но если это не дает результатов, то можно применять и другими

способами), то эти серноокислые соли Equisetum'a облегчают кремниевой кислоте путь к почкам.

Мы изучили только на единичном случае патологическую сторону заболевания почек. Мы изучили в точности то, что восполняет недостаточность процессов в почке; мы построили мост между патологией и терапией.

Возьмем другой случай, например, нарушение пищеварительной системы, известное под названием диспепсии и т.п. Действуя духовнонаучно, как я уже указал, мы сможем убедиться в том, что причина заболевания, главным образом, лежит в недостаточно интенсивном организме **Я**. Почему этот организм **Я** недостаточно интенсивен? Мы должны искать в этом человеческом организме основание, почему организм **Я** недостаточно сильно действует. В некоторых определенных случаях мы установим, что имеется недостаточное выделение желчи. В таких случаях мы должны прийти на помощь организму **Я** тем, что мы, как и в случае Equisetum по отношению к почкам, побудим организм по отношению к функции выделения желчи, вводя в него нечто такое, что пришло бы на помощь слишком слабо действующему организму **Я**. Мы найдем, что тут так же, как и в случае почек и кремниевой кислоты, процесс выделения желчи, отвечающий главным образом организму **Я**, зависит совершенно определенно от того, как углерод действует на организм. Когда мы вводим в организм углерод таким образом, чтобы он встретился с диспепсией, то мы находим, что углерод, который, естественно, содержится во всяком растении, в Cichorium intybus содержится так, что он прямо направляется к органу выделения желчи. Если мы сумеем приготовить правильный препарат из Cichorium intybus, то мы привлечем известного рода углеродный процесс к функции желчи, так же, как Equisetum мы применяли для почек.

Я указал вам здесь на легко обзримых примерах принцип, посредством которого через духовно-научное проникновение в человеческий организм, с одной стороны, различных природных существ и их взаимоотношений, с другой, может получиться: во-первых, проникновение в процесс болезни, во-вторых - проникновение в то, что необходимо для поворота болезненного процесса, протекающего в известном направлении, в обратную сторону. Лечение становится через это искусством, отдающим себе отчет в своих средствах. Это то, что медицина может получить от того научного метода исследования, которое здесь называется Антропософией. Это отнюдь не фантазия. Это то, что доводит исследование до высшей степени точности в изучении всего человека, в понимании его со стороны физической, душевной и духовной организации. Здоровое или больное состояние человека зависит от его физического тела, души и духа. Тем, что мы учимся расчленять человека в смысле нервной системы, ритмической системы и органов движения, мы достигаем возможности понять различные процессы и их интенсивность. Мы познаем, как в почках существует функция чувственного восприятия, если мы обратим внимание на сущность чувственного восприятия; иначе же мы находим чувственное восприятие только в более грубом типе обыкновенного чувственного восприятия.

Я уже упоминал, что в системе обмена веществ и органов движения происходят процессы, противоположные тем, которые имеют место в системе нервной. Но может случиться, что процессы, которые в своей главной сущности суть также процессы нервные и которые, например, происходят в головных нервах и там "нормальны", - могут быть перенесены до известной степени в систему обмена веществ; тогда в системе обмена веществ ненормальность астрального тела и организации **Я** может вызвать нечто, что "правильно", "нормально" протекало бы в организме нервов. То, что правильно для **одной** системы - может для другой системы быть вредным. Тогда, благодаря тому, что процесс, принадлежащий нервной системе, переносится в другую систему, получается болезненный процесс.

Это бывает при **тифе**. Тиф представляет собой процесс, принадлежащий к нервной системе. Тогда как он должен был бы иметь место в физической организации, он в действительности имеет место в системе обмена веществ в пределах эфирного тела, переходящий на физическое тело, и выявляется как тиф. Может еще случиться, что та динамика, те силы, которые действуют в одном органе чувственного восприятия, начинают действовать на недолжном месте. То, что имеет место в одном органе чувственного восприятия, может в ином виде действовать в другом месте. Возьмем, например, ухо: вместо того, чтобы действовать в пределах нервной системы, его функции переносятся в другое место, например, где-нибудь в систему обмена веществ, там, где она соединяется с ритмической системой. Тогда зарождается на неподходящем месте ненормальная тенденция к образованию какого-либо органа чувственного восприятия. Это проявляется тогда как раковое образование. Только когда вы таким образом можете проникать в человеческий организм, вы можете понять, что в раке вы имеете перенесенную на недолжное место тенденцию к образованию органов чувственного восприятия.

Когда мы говорим об оплодотворении медицины через Антропософию, то речь идет о том, чтобы научиться различать, как ненормальное в человеческой организации образуется вследствие перенесения нормального **в данной** "системе" в другую систему.

В моей третьей лекции моей задачей будет исследовать в популярной форме несколько определенных типов болезней.

Лекция третья, Арнхейм, 24 июля 1924 г.

Когда мы расчленяем (как это было сделано в первых двух лекциях) человеческое существо на физическое, эфирное и астральное тела и на организм **Я**, то в этой абстрактно-теоретической форме наша схема не может дать представления об истинной ценности каждого из этих членов в отдельности.

Когда же мы видим, какое действительное значение имеют эти четыре члена человеческой природы, то мы имеем перед собой не просто философское представление, или только разделение явлений, происходящих в человеке; но мы видим, что таким расчленением мы выигрываем нечто в понимании человеческой сущности. Стоит нам только взглянуть на обычные явления человеческой жизни, на смену бодрствования и сна, и мы увидим, какое значение имеет такое расчленение. Ежедневно мы видим людей, переходящих из того состояния, в котором они двигают своими членами и воспринимают внешние впечатления, – в то состояние, когда они неподвижно спят, когда сознание исчезает. Как же относится бодрствующий человек к спящему?

Воззрение, рассматривающее эти более высокие сверхчувственные члены человеческой сущности, показывает нам, что во время сна в постели лежит только физическое и эфирное тело человека, а астральное тело и организация **Я** отделилась от обоих других членов. Но как только мы приходим к тому, что человек может извлечь из своей физической организации астральное тело и организацию **Я**, т.е. свое действительное, реальное душевно-духовное начало, – мы приходим и к другому, а именно: что это радикальное, полное извлечение во время сна может наступить частично и во время бодрствования. Мы видим, что в человеческой сущности всегда есть состояния, которые в известной степени напоминают сон, но не приводят к засыпанию: состояния обморока, потери или помрачения сознания. Это состояния, когда человеческая сущность в известной мере приближается ко сну, но не к полному засыпанию; она как бы "плавает" между сном и бодрствованием. Что же находится перед человеком, когда наступают такие состояния? Чтобы понять это, нужно целиком исследовать человеческую сущность. Для этого нужно помнить то,

что я в последней лекции изложил как данные антропософского исследования.

Я сказал, что человеческую организацию можно расчленить на организм нервов и органов чувств, на организм ритмический, охватывающий все ритмические функции, и на организм обмена веществ и членов. Я уже сказал также, что организм обмена веществ и членов полярно противоположен организму нервов; в то время, как ритмический находится между этими двумя. Мы можем схематически представить себе эти отношения на прилагаемом рисунке, в котором **А** обозначает организм нервно-чувственный, **С** – организм обмена веществ и членов, в то время, как **В** представляет ритмический организм, связующий два других и наличный в них обоих.

Это, конечно, только схема. Через все три члена этой схемы человеческой природы проходят четыре члена человеческой сущности: физическое тело, эфирное или жизненное тело, астральное тело и организация **Я**. Но человеческая сущность чрезвычайно сложна. И совсем не при всяких обстоятельствах можно сказать: во время сна весь астральный организм и организация **Я** выходит из организмов физического и эфирного. Но может случиться, что нервно-чувственный организм только до известной степени покинут астральным телом и организацией **Я**. Тогда голова (ибо нервно-чувственный организм человека локализуется, главным образом, в голове) – должна развить склонность ко сну. Но человек не спит, ибо система обмена веществ и система ритмическая содержат еще полностью астральный организм и организацию **Я**. Эти последние выходят только из головы. Поэтому в голове наступает состояние неясности, помрачения, обморока. Остальной организм функционирует как в состоянии бодрствования. Это может наступить, когда мы повлияем на человека извне, – если, например, мы дадим ему известное количество свинца, или соединений свинца. То, что вызывает путем отрыва астрального тела и организации **Я** от головы, состояние головокружения, т.е. частичное состояние сна, это – свинец. Мы заключаем из этого, что внешняя субстанция – свинец, введенный в человеческий организм, изгоняет из головы астральный организм и организацию **Я**. Таким образом, мы видим, как человеческий организм зависит от того, что он воспринимает в себя из внешнего мира. Но допустим, что человек проявляет противоположные состояния, когда астральное тело и организация **Я** чересчур глубоко увязли в голове, слишком сильно влияют на голову. Нам сделается ясным, в чем это проявляется, если мы исследуем влияние организации головы на весь человеческий организм. Мы видим, что в нем возникает скелет, потом развиваются мускулы и т.д. Изучая развитие человека с самого детства, мы находим, что голова склоняется к окостенению; всей своей организацией она показывает, что в окостенении находится ее сущность; во все время ее развития она излучает силы, образующие скелет, и этим самым влияет отвердевающим, окоченевающим образом на человеческий организм. Мы замечаем, каковы задачи организации **Я** и астрального тела в человеке, когда они пронизывают голову: они действуют так, что человек из головы излучает силы, делающие его внутренне более твердым или окостенелым; более твердая часть выделяется из более подвижной, текучей организации. Когда в человеческой голове слишком сильно действует астральное тело и организация **Я**, то и голова интенсивно излучает отверждение. Следствием этого является то, что мы наблюдаем в человеческом организме, когда он старится и страдает от артериосклероза. Принцип окостенения, отверждения, который обыкновенно кроется в костях, при склерозе врывается в весь организм. Здесь мы имеем дело со слишком сильным действием организма **Я** и астрального тела; оба они слишком глубоко внедряются в физический организм.

Если мы вводим в нормальный организм свинец, то мы удаляем из головы его астральное тело и организацию **Я**. Если же они оба слишком глубоко сидят в голове, и мы даем вышеуказанную дозу свинца, то мы вполне правильно выделяем астральное тело и организацию **Я** из головы: мы боремся со склерозом. Здесь мы видим, каким образом мы влияем внешними средствами на соотношение человеческих членов: давая свинец здоровому организму, мы влияем на него так, что он делается больным, оглушенным, обморочным; если же **Я** и астральное тело слишком глубоко сидят в голове, человек слишком бодрствует и влияет через свое "слишком сильное", слишком длительное бодрствование на свое внутреннее отвердевание, он приходит к склерозу, и в этом случае мы правы, выталкивая немного астральное тело и организацию **Я** из головы.

Возьмем теперь противоположный случай: мы имеем те же явления в организме обмена веществ и организации членов. Когда человек вполне спит, астральное тело и организация **Я** выделены из организма обмена веществ и организации членов. Но мы можем выделить астральное тело и **Я** из организации обмена веществ и членов, не выделяя их из головы; если благодаря свинцу нам удастся вывести из головы астральность и организацию **Я** и вызвать этим обморочное состояние, то мы можем, дав человеку известную дозу серебра или соединений серебра, выделить астральность и организацию **Я** из обмена веществ и организации членов. Мы наблюдаем тогда вышесказанное явление в пищеварении, в отвердении выделений, в нарушении пищеварения и т.д. Предположим, что в организме **Я** и астральное тело слишком интенсивно действуют на наши пищеварительные органы. Оба они (астральное тело и **Я**) являются действенными факторами в процессе пищеварения, как раз в системе обмена веществ. Когда они слишком деятельны, когда они слишком глубоко проникают, пищеварение слишком интенсивно. Слишком быстрым пищеварением является дизентерия; мы имеем явление, находящееся в связи с тем, что происходит слишком быстрое и поверхностное пищеварение.

Но это связано еще и с другим, а именно с избытком деятельности обмена веществ. Однако в человеческом организме все находится во взаимодействии. Если налицо избыток деятельности обмена веществ, то она слишком сильно влияет на ритмическую организацию и на организацию головы, но все же особенно сильно на ритмическую; ибо в ней продолжается пищеварение, превращаясь в кровь. Ритм крови зависит от того материально-субстанциального, что в нее проникает. Когда наступает такая слишком сильная деятельность астрального тела и **Я**, то перед нами явления жара, повышенной температуры. Мы знаем теперь, что мы можем изгнать астральное тело и организацию **Я** из области обмена веществ, дав человеку дозу серебра, и мы знаем теперь следующее: если астральный организм и организация **Я** проникают слишком глубоко в обмен веществ и систему членов, то их можно оттуда вывести, употребив, как лекарство, серебро или соединения серебра.

Так пытается духовная наука "обыскать" всю природу. В последний раз я указал, как можно это сделать по отношению к растительной природе. Сегодня я показал, как это делается по отношению к двум минеральным субстанциям; мы изучаем, как перерабатываются различные субстанции окружающего нас мира различными членами человеческого существа.

Попытаемся поставить перед нашей душой пример, который покажет, как можно перейти от знания внутренней деятельности человеческой организации, от состояния патологического к прозрению терапевтическому. Здесь я делаю предпосылку. Мы действительно постоянно имеем в себе род лекарств. Астральное тело и **Я** склонны слишком глубоко проникать в физическое и эфирное тело человека. Человек предпочел бы видеть все кругом себя не в ясных контурах, а как бы в тумане; и он охотнее всего предпочел бы покоиться, почивать, не двигаться; болезненная любовь к покою

должна быть излечена. Мы здоровы только тогда, когда непрерывно находимся в процессе исцеления. Для этой цели служит **железо**, находящееся в крови; благодаря ему астральное тело и **Я** не слишком интенсивно соединяются с физическим и эфирным телами. Мы наблюдаем непрерывный терапевтический процесс в организме – путем железа, и как только железа становится мало, тотчас проявляется склонность к инерции, ко сну; при избытке железа наблюдается чрезмерная подвижность. Железо есть регулятор взаимоотношений физически-эфирного организма с одной стороны и **Я** – астрального организма – с другой. В случае нарушений необходимо уменьшить или увеличить дозу железа в крови.

Рассмотрим мигрень, для которой медицина предлагает такое количество всяких лекарств. Эта болезнь действительно сложна. В голове человека мы имеем нервы чувственного восприятия, удивительно переплетающиеся друг с другом. В середине мозга находится чудесное строение: организация нервов в их внутренней функциональности; это – самое совершенное из всей физической организации человека, ибо это наиболее адекватное отражение **Я** в физическом теле. Именно в силу ее совершенства эта организация иногда временно слабеет, и тогда физический организм предоставлен самому себе. "Белая субстанция" мозга не может быть целиком пронизана организацией **Я**: эта последняя недостаточно сильна для этого. Физико-эфирная организация выпадает из организации **Я**, и в человеческий организм вселяется нечто подобное чуждому организму.

"Белая" субстанция мозга окружена "серой" субстанцией, которая менее тонко организована, но именно ее современная физиология рассматривает как более значительную; в действительности ее главная функция есть **питание**, в то время как белая субстанция, находящаяся в середине, служит субстратом для чисто духовной деятельности.

Но в человеческом организме все части находятся в тесном взаимодействии; и в тот момент, когда организм **Я** отделяется от белой субстанции мозга, серая субстанция тоже приходит в беспорядок: астральное и эфирное тела не могут более нормально влиять на серую субстанцию; отсюда беспорядок во всех функциях головы. **Я** удаляется от внутренней части мозга, астральное тело – от периферии мозга; происходит патологический сдвиг во всем функционализме головы. Средний (белый) мозг меньше уже служит тогда чистой функции представления; подобно серой субстанции, он принимает участие в своего рода пищеварении; серая же субстанция слишком интенсивно занята этим процессом пищеварения. Посторонние тела, слишком интенсивное выделение и т.д. – характеризуют тогда деятельность головы. Это влияет на ритмические процессы, на кровообращение. Возникает вопрос при таком беспорядке: как вернуть организацию **Я** в нервную систему, в срединную часть мозга?

Этот результат достигим путем введения в организм кремниевой кислоты. Но взятая в чистом виде она привела бы к тому, что **Я** проникло бы в белую субстанцию, в то время как серая субстанция пребывала бы в беспорядке. Для этой цели мы должны так регулировать процесс пищеварения в серой субстанции, чтобы он не был слишком интенсивным, чтобы он вчленился в общий ритм организма. Для этого мы должны одновременно ввести в организм **железо**.

Надо заметить, что головной мозг человека имеет склонность к неправильности в пищеварении. При этом и другие части организма терпят ущерб; во всей системе пищеварения имеют место легкие, едва заметные нарушения нормальных отправлений. Если мы станем в этой связи изучать внешние вещества, то сможем установить, что как раз сера и серные соединения действуют на организм так, что восстанавливают нарушенный порядок пищеварения.

Итак, мы исследовали **три** точки зрения, интересующие нас в изучении **мигрени**: восстановление порядка в пищеварении, беспорядок которого

проявляется в неправильном пищеварении мозга; восстановление порядка нервной системы – исходя из организма **Я** – путем кремнистой кислоты; восстановление порядка в ритме кровообращения путем применения железа. Теперь мы можем отдать себе отчет во всем процессе, который, как мы упоминали, мало интересует официальную медицину. Мы видим, как сам организм нам **приказывает** приготовить препарат из кремнистой кислоты, серы и железа. Тогда мы получим хорошо в антропософских кругах известное средство против мигрени (Biodoron), которое к тому же регулирует правильный функционализм **Я**, его правильное проникновение в организм, в ритм кровообращения и пищеварения. Мигрень есть лишь **симптом** неправильного взаимодействия **Я**, астрального и эфирного тел в пределах физического тела.

В лекарствах, приготовляемых этим путем, важно установить каково отношение человеческого организма к окружающему миру. В прошлый раз мы говорили о применении растительных средств; каждое данное растение влияет то на один, то на другой орган. Но при этом надо помнить, что растение представляет различные особенности, в зависимости от времени года; весной цветущее растение содержит физические и эфирные элементы, содержащиеся в человеке; они вызывают при употреблении внутри соответствующие явления в физическом и эфирном телах человека. Если же мы срываем части растения **осенью**, то имеем уже дело с умирающим растением.

Организм человека "цветет" благодаря деятельности физического и эфирного тел; но деятельность **Я** и астрального тела его разрушает. Первые из упомянутых элементов не позволили бы развиваться в человеке силам сознания; человек был бы бессознательным, если бы не обладал силами **Я** и астрального тела. Чтобы имело место сознание, необходим процесс разрушения организма. Этой цели служат **Я** и астральное тело. Они создают в человеке обстановку "осени", умирания, в то время как физическое и эфирное тела создают обстановку "весны". Эта смена необходима в человеческом организме; она создает **ритм**, подобный ритму сменяющихся в природе весны и осени. Когда мы засыпаем, в нашем организме наступает "весна", ибо **Я** и астральное тело покидают его; когда же мы просыпаемся, мы вступаем в полосу "осени".

Предположим, что мы ищем растительные средства. Мы срываем **горечавку** весной. Это растение – отличное средство против диспепсии. Если мы срываем его весной, то можем посредством его влиять на физическое и эфирное тела. При наличии нарушения роста или питания вываренные корни **горечавки** способствуют борьбе с нарушением питательных процессов. Но если мы пользуемся корнями горечавки, которые мы выкопали осенью, когда растение разрушается, то целительный процесс не имеет места; напротив, тогда мы лишь усиливаем неправильность пищеварения. Поэтому недостаточно знать о данном растении, что оно обладает теми или иными целебными свойствами: надо знать также, **когда** следует сорвать данное растение.

При употреблении растительных средств надо обратить, прежде всего, внимание на процесс становления, процесс роста данного растения. То, что мы сказали выше о весне и осени, применимо также и к меньшим интервалам времени; мы должны научиться понимать, что означает собирать **горечавку** в первой неделе мая или же в последней неделе мая. То, что человек переживает в 24 часа, то во внешней природе растянуто на 365 дней.

Еще раз следует повторить: антропософское сотрудничество с медициной ни в коем случае не должно принять форму оппозиции. Антропософия должна пребывать на почве современной медицины. Предварительное изучение официальной медицины есть необходимая предпосылка; без этого обойтись нельзя и антропософски ориентированному врачу; но к этому должна еще присоединиться способность познавать истинную (духовную) человеческую сущность.

Я уже упоминал, что нервная система пронизана всеми четырьмя членами человеческого существа (физ., эфирн., астр, и **Я**); система обмена веществ ими также пронизана, – но совсем иным образом; именно так, что волевая сторона организма Я особенно интенсивно действует. Все, что является собой активность, что приводит человека и всю его организацию в **движение**, пребывает в системе обмена веществ; все же, что предоставляет человеку спокойствие и наполняет его идеями, внутренними переживаниями, мыслями, – все это пребывает в системе нервной (системе органов чувственного восприятия), поэтому здесь именно физическое и эфирное тела важнее, чем **Я** и астральное тело, тогда как для системы обмена веществ существеннее Я и астральное тело. Поэтому, когда **Я** и астральное тело действуют слишком интенсивно в пределах нервной системы (системы органов чувственного восприятия), тогда эта система глубже, чем следовало бы, погружается в другие системы человеческого существа: именно в систему обмена веществ (систему органов движения); в таком случае образуется то, что известно под общим названием **опухолей**.

Если же, наоборот, в пределах системы обмена веществ, Я и астральное тело отступают на задний план, а физическое и эфирное тела слишком интенсивны, то эти последние посылают свои излучения в систему нервную и тогда возникают **воспалительные процессы**. Опухоли и воспалительные процессы образуют как бы полярные противоположности.

К числу тех процессов, когда нервная система в ужасной форме проявляется в пределах системы обмена веществ, принадлежит рак. Я уже упомянул в моей предыдущей лекции: при раковом образовании мы видим как в пределах системы обмена веществ образуются – как бы на недолжном месте – зачатки органов чувственного восприятия. Ухо, когда оно возникает на правильном месте, нормально; но если зародыш или предрасположение к образованию уха или другого какого-либо органа чувственного восприятия – в самой элементарной форме – происходит в ненадлежащем месте, то мы имеем тогда дело с раком. Мы должны бороться с этой склонностью человеческого организма образовывать органы чувственного восприятия в ненормальной обстановке. Для этого надо глубоко проникнуть в тайны космоса и человеческого развития.

Антропософия показывает нам, что в далекие эпохи доземного развития человек имел иную форму, чем теперь, но духовно стоял значительно выше животного. Его органы чувственного восприятия не были еще тогда развиты; они возникли гораздо позже, на Земле, когда Я пронизало глаза, уши и другие органы восприятия. Когда развитие Я чересчур интенсивно, то в организме человека возникают органы чувственного восприятия не только в нормальной форме, но развивается тенденция образовывать органы чувственного восприятия также и там, где их не должно было бы быть. Тогда возникает раковое образование. Как его исцелить? Я должен оглянуться на эпохи развития, предшествовавшие развитию Земли, когда еще не существовало тех организмов, которые имеются теперь; имеются ли теперь еще на Земле такие пережитки прошлого, следы далеких эпох? Да, такие растения имеются, например, **омела**; паразит, растущий на деревьях и не имеющий корней в Земле. Они развились еще тогда, когда Земля не была еще твердой минеральной Землей. Это растение омела, препарированное в должном виде, может служить средством против раковых образований, которые суть ничто иное, как образование зачаточных органов чувственного восприятия в патологической форме. В человеке Земля и силы ее становятся слишком интенсивными, что приводит к образованию рака; этим чрезмерным силам Земли следует противопоставить те силы, которые исходят от того периода развития Земли, когда минеральное царство и Земля в ее теперешней конфигурации еще не существовали. Поэтому в области антропософско-медицинского исследования мы применяем препарат из омелы против

раковых образований; и со временем это средство будет так усовершенствовано, что сделает излишним оперативное вмешательство.

Можно было бы привести еще и другие примеры. Например, когда система обмена веществ (система органов движения) пронизывает крайнюю внешнюю периферию системы органов чувственного восприятия, то возникает болезненное явление известное под именем **сенной лихорадки**. Тогда мы имеем дело с чем-то обратным тому, что мы только что исследовали; именно, когда система нервная и чувственных органов опускается и проникает в пределы системы обмена веществ, то имеет место образование опухолей; в обратном порядке же проявляются симптомы сенной лихорадки.

В этом последнем случае речь идет о том, чтобы парализовать те центробежные процессы, во время которых система обмена веществ слишком интенсивно направлена к периферии организма; эту тенденцию можно парализовать, оттеснив обратно эфирные силы. Мы пытаемся это сделать при помощи препарата ("Gencydo"), добываемого из таких плодов, которые покрыты оболочкой особого качества, позволяющей оттеснить эфирный элемент обратно в область обмена веществ. В нашем препарате мы противопоставляем слишком сильно проявляющимся в сенной лихорадке центробежным силам – центростремительные силы, долженствующие с ними бороться. Как раз самых блестящих результатов мы достигаем там, где современная медицина бессильна.

Путем исследования антропософским методом человеческого существа мы перебрасываем мост от патологии к терапии. Ибо как действуют **Я** и астральный организм? Они разрушают – и этим самым делают человека душевно-духовным существом. Органы разрушаются как бы в процессе разложения ядовитыми субстанциями. Когда органы слишком интенсивно; развиваются, мы должны также прибегнуть к частичному процессу разрушения. Но разрушение в человеческом бытии связано всегда с **Я** и астральным телом. Когда мы наблюдаем действие ядов на человека (безразлично, металлических или растительных ядов), то мы замечаем, что их действие сродни действию астрального тела и организма **Я**. Мы должны при этом отдать себе отчет, в какой степени в **нормальном** процессе человеческого организма имеет место действие яда в силу деятельности в нем астрального тела и **Я**. Во всем процессе мышления, во всяком душевном процессе тело подвергается действию яда. Растения, которые мы можем употреблять в пищу, сродни эфирному и физическому телам человека; растения же вредные, ядовитые, сродни астральному телу и организму **Я** человека; но эти последние, именно в силу их разрушающей деятельности, применимы как лекарства в соответствующих случаях.

В свете вышесказанного мы теперь яснее поймем полярную противоположность между питательными и ядовитыми субстанциями. Тогда изучение болезни является для нас продолжением изучения природы. Одно необходимо для такого изучения. Обыкновенно люди любят изучать объект, пребывающий в состоянии **покоя**; Антропософия же изучает объект в состоянии **движения**. Для этого необходимо развить **присутствие духа**; нельзя ждать, пока наблюдаемый объект придет в состояние покоя. Но благодаря этому мы приближаемся и подходим вплотную к самой живой действительности. Для этого необходимо то, что имеется в медицинском институте в Арлесгейме, находящемся под руководством нашей милой сотрудницы, д-ра Вегман, – именно мужество в исцелении. Это мужество в исцелении необходимо не менее, чем положительные **знания**; мужество, основанное не на туманном оптимизме, а на уверенности: вот – болезнь, мы видим ее сущность и пытаемся сделать все, что в наших силах. Но для этого необходимо – для обладания этой уверенностью – иметь мужество познать человеческую природу в потоке ее становления. Поэтому наши лекарства являются результатом живого изучения болезненных явлений. Рядом с мистериальным центром – Гетеанумом, – где каждый может обрести познание

Антропософии, находится центр исцелений, клиника; ибо только целостное, интегральное представление о человеческом существе и о его отношении к внешнему миру может охватить нормальные и патологические процессы; а потому также, что глубокое проникновение в тайны космоса возможно только тогда, когда мы можем охватить в понимание не только нормальные, но и болезненные явления.

Если бы то, что растет, расцветает в человеке, не могло быть беспрестанно оттеснено и заглушено, то никогда не смог бы возникнуть человек как существо душевно-духовное. Болезненные явления **должны** иметь место – как известная предпосылка – даже в нормальном организме, чтобы дать ему возможность развиться до ступени мыслящего существа. Если бы мы, люди, не были подвержены болезням, то мы не могли бы и быть духовными существами; ибо только потому мы – существа духовные, что мы несем в себе возможность заболевания. То, что нормально имеет место в мышлении, чувствовании и волнении, то проявляется в ненормальной форме – в болезни. Наша печень и наши почки должны проделать те же процессы, какие мы проделываем в нашем мышлении, чувствовании и волнении; но эти процессы переходят через границы нормального, когда они имеют место в слишком интенсивной форме. Да, поистине, если бы мы совсем не могли заболеть, мы должны были бы остаться глупцами всю нашу жизнь. Мы обязаны этой возможности – заболеть другой возможностью – быть мыслящими, чувствующими, волевыми существами.

Когда мы проникаем в глубины этого таинственного взаимодействия – в этом нам может помочь Антропософия, – то для нас станет насущной душевной потребностью видеть в болезненных явлениях побочное, но неизбежное последствие общего процесса одухотворения человека. Тогда духовное развитие и та цена, которую надо заплатить за нее – болезнь, станут для нас двумя полюсами одного и того же человечества, и тогда только мы сможем занять правильную позицию (не только в наших мыслях, но и в нашей душе и в нашем чувстве) по отношению к болезни и к ее исцелению.

Это – внутренняя, эмоциональная сторона вопроса; мы видим здесь, как антропософское знание может оплодотворить медицину. Ибо если Антропософия может оплодотворить **знание**, то она может оплодотворить и **чувство**, ибо она влияет на сердце врача, на всю его душевную установку; она усиливает его готовность к жертвенному подвигу – именно через сознание внутреннего сродства, существующего между болезнью и необходимостями духовного развития. Антропософия располагает всюду возможностью углубить не только наш интеллект, нашу мысль, но и наше сердце, наше чувство, все наше человеческое бытие. В этом смысле мы должны понять ответ на вопрос: "Что может обрести медицина через духовнонаучный метод исследования?"

Медицина может обрести то, что врач, благодаря антропософскому методу, становится в своем качестве исцелителя **целым, интегральным** человеком; не головой только он размышляет над болезнью, но переживает целиком всем существом своим внутренний процесс болезни и тем самым учится видеть в процессе исцеления свою отвечающую достоинству человека задачу и высокую миссию. Врач понимает тогда, что болезни суть тени, отбрасываемой духовным развитием человека. Но для того чтобы правильно оценить тень, надо познать истинную природу света – т.е. природу и сущность духовных процессов. Там, где есть свет, должна быть и тень; там, где имеется духовное развитие, должны существовать и болезни. Справиться с ней может только тот, кто зрит Свет...

Вот то, что Антропософия может дать каждому врачу; вот то, что она может дать Медицине.

12 Lectures in GA 319

Date

Lecture Title	Cd	GA#
City	*	
1923-08-28 20:00 Polarities in Health, Illness, and Therapy __or__ Principles of the Method of Healing and Anthroposophical Therapy Penmaenmawr	M	319
1923-09-02 20:00 Two Lectures to Doctors (Lecture I) London	M	319
1923-09-03 20:00 Two Lectures to Doctors (Lecture II) London	M	319
1923-10-02 20:00 Vienna	M	319
1923-11-15 20:00 The Hague	M	319
1923-11-16 16:00		

The Hague	M	319
1923-11-16 20:00		
The Hague	M	319
1924-07-17 20:00		
Spiritual Science and the Art of Healing Arnhem	M	319
1924-07-21 20:00		
Spiritual Science and the Art of Healing Arnhem	M	319
1924-07-24 20:00		
Spiritual Science and the Art of Healing Arnhem	M	319
1924-08-28 20:00		
An Outline of Anthroposophical Medical Research London	M	319
1924-08-29 20:00		
An Outline of Anthroposophical Medical Research London		

